

Романько О.В.

“МУСУЛЬМАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ” ИЗ ГРАЖДАН СССР В ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ (1941 – 1945)

Проблема использования граждан СССР в составе германской армии и по сей день представляет одну из наиболее сложных и запутанных в истории второй мировой войны. Лишь в самые последние годы у ответственных историков появилась возможность вплотную подойти к этой теме, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в периодической печати¹. Оказалось, что эта проблема не однородна, а содержит в себе многочисленные аспекты. Одним из таких аспектов, приковавших к себе внимание историков, наряду с морально-нравственной стороной такого явления, как коллаборационизм (гражданский и военный), его политической сущностью, является вопрос о численности и национальной принадлежности наших соотечественников, служивших в вермахте и войсках СС, в составе так называемых “добровольческих формирований”.

Процесс создания “добровольческих формирований” германской армии во всех оккупированных регионах СССР не был однозначным явлением и состоял, прежде всего, из следующих слагаемых: предвоенных планов нацистского руководства относительно будущего оккупированных советских территорий согласно их национальному признаку, эволюций в германской оккупационной политике (1941 – 1944 гг.), находившейся в прямой зависимости от положения на восточном фронте и, наконец, от противоречий между нацистскими партийными органами, военным командованием и аппаратом СС. Следует сказать, что на начальном этапе Великой Отечественной войны первое и второе слагаемые были, на наш взгляд, определяющими.

По мнению современных английских исследователей К. Кабальеро и К. Лильса, “первыми добровольцами, зачисленными в регулярные войска германской армии, были представители (мусульманских) народов, населявших Кавказские и Азиатские территории СССР”ⁱⁱ. Что же касается их численности, то, по подсчетам российского историка С.М. Дробязко, из общего числа добровольцев из граждан СССР в 1,3 – 1,5 млн. человек добровольцев вспомогательной службы или так называемых “хиви” было 500 – 675 тысяч человек; во “вспомогательной полиции порядка” служило 70 тысяч человек; и, наконец, в боевых частях “восточных войск” находилось 285 – 295 тысяч человек. Из них “мусульманские соединения” в каждой категории вышперечисленных “добровольческих формирований” составляли соответственно: 205 – 210 тысяч, 40 – 45 тысяч и 150 тысяч человек. Итого: 400 – 420 тысяч человекⁱⁱⁱ.

Причем все эти цифры требуют подробной расшифровки, поскольку все категории “добровольческих формирований” не были однородны ни по национальному составу, ни по функциональному назначению. Последний же фактор зависел, прежде всего, от той инстанции, которая занималась формированием данного соединения.

Почему нацистское военно-политическое руководство решило разыграть “мусульманскую карту”? Какие оно преследовало цели? Как этот процесс происходил в политической и военной плоскостях?

Попытка, с помощью доступных нам источников и литературы, ответить на эти вопросы и является целью данной работы.

Использование так называемой “мусульманской карты” в экспансионистских планах Германии относится еще к концу XIX – началу XX вв. Еще тогда правительство кайзера Вильгельма II попыталось использовать освободительное движение арабских народов против Великобритании и Франции. Присоединение к этим двум государствам Российской империи с ее многочисленным мусульманским населением побудило Германию не ограничиваться только арабами. Апогеем союза Германии с исламом стало участие Османской империи в первой мировой войне на стороне центральных держав. Следует отметить, что в это время вся антироссийская пропаганда Германии шла через Стамбул.

В период после заключения Брестского мира (март 1918 г.), используя центробежные тенденции в бывшей Российской империи, Германия попыталась закрепиться в Крыму и на Кавказе – регионах с многочисленным мусульманским населением. В этом ей помешало поражение в первой мировой войне^{iv}.

Свою “вторую жизнь” мусульманский фактор внешней политики Германии получил с приходом к власти национал-социалистов (январь 1933 г.). Интерес к нему возрос вновь в период подготовки нападения на СССР, так как стало возможным привлечь на свою сторону многочисленные мусульманские народы Советского Союза, используя проверенные методы по созданию “пятой колонны”^v.

В соответствии с этим для регионов СССР с мусульманским населением составлялись и планы будущего оккупационного режима.

20 июля 1941 г. в рейхсканцелярии в Берлине состоялось совещание, на котором новоиспеченный рейхсминистр Восточных областей А. Розенберг представил Гитлеру план будущего территориально-политического расчленения СССР. По этому плану на оккупированной территории Советского Союза предполагалось создать пять рейхскомиссариатов: “Москва”, “Остланд”, “Украина”, “Кавказ” (должен был включать в себя и Закавказье) и “Туркестан” (помимо республик Средней Азии в него должны были войти Поволжье и Башкирия). Причем два последних только недолгое время должны были иметь статус рейхскомиссариатов и со временем стать имперскими протекторатами с относительно широким самоуправлением и собственными вооруженными силами^{vi}.

Однако этот пункт плана не получил одобрения Гитлера, который очень негативно относился к какой-либо форме самоуправления на Востоке и тем более категорически возражал против идеи вооружения местного населения. Поэтому формированием “мусульманских добровольческих соединений” на первом этапе войны занимались в основном военные инстанции при вялой поддержке политических органов.

С самого начала Великой Отечественной войны многие дезертиры из Красной Армии и бывшие заключенные начали предлагать свои услуги германским частям в качестве солдат вспомогательной службы. Число этих “хиви” (сокращенный немецкий термин “Hilfswilligen” – “добровольные помощники”) достигало нескольких сотен тысяч человек. Они служили поварами, водителями, санитарями, – в общем, являлись чинами всех видов вспомогательных армейских служб, которые были объединены в отряды, приданные немецким подразделениям. Штаты пехотной дивизии 1943 г. предусматривали 2005 должностей для “хиви”, однако в действительности их было больше – до 25-30% от общей численности пехотной дивизии^{vii}.

Несколько меньше добровольцев принималось в боевые подразделения германской армии. На Кавказе и в Средней Азии, как известно, живет огромное количество народов, однако немцы стремились объединить их под двумя наименованиями: “Kaukasien” (Кавказцы), то есть те, кто жил по обе стороны этих горных хребтов, и “Turcomann” (Туркестанцы) – в понимании немцев это все азиатские народы, живущие за Волгой и в отдаленных районах Азии. Поэтому, когда в ноябре 1941 г. в 444-ю Охранную дивизию вермахта начали поступать первые добровольцы, они группировались в двух экспериментальных частях: Туркестанском батальоне №444 (Turcomann Bataillon) и Кавказском батальоне №444 (Kaukasisch Bataillon)^{viii}.

В конце 1941 – начале 1942 г. немецкое командование развернуло подготовку к наступлению на юг СССР и Кавказ. Для достижения большего успеха были, соответственно, пересмотрены и будущие методы оккупационной политики в этих регионах. По меткому замечанию немецкого историка Н. Мюллера, “если Прибалтику собирались онемечить, Белоруссию превратить в огромный пересыльный концлагерь, Украину сделать житницей будущего Великогерманского рейха, то на Кавказе нацисты предполагали провести “эксперимент” с предоставлением населению широких прав”^{ix}. Одним из таких прав было право иметь собственные вооруженные силы.

С этой целью еще 30 декабря 1941 г. Верховное командование вермахта (ОКВ) приказало сформировать несколько легионов “восточных добровольцев” из различных национальностей, которые и были созданы в течение первой половины 1942 г. перед вторжением на Кавказ. Специально созданный ОКВ штаб “К” (“Кавказ”) развернул активную деятельность по вербовке добровольцев среди военнопленных – кавказцев и туркестанцев. Для организационно-пропагандистской работы в лагерях и психологической обработки военнопленных при штабе “К” был создан специальный орган “Диенштстелле С”^x.

О том, как проходила вербовка в эти легионы, эмигрантский историк А. Казанцев писал следующее: “(Когда формировали один из туркестанских батальонов) в нем оказались и татары, и узбеки, и калмыки. Было несколько человек и русских, забайкальских казаков...какие-то зондерфюреры собирали людей по признаку скуластых лиц, раскосых глаз и цвету кожи...По-русски говорить запретили”^{xi}.

Большую помощь в создании “восточных легионов” оказали представители эмиграции. В конце 1941 – начале 1942 г. в Германии был создан ряд национальных советов и комитетов, которые, по мнению их создателей, должны были играть роль своеобразных правительств в изгнании, вооруженными силами которых должны были стать эти легионы. Однако в глазах нацистского руководства они не имели никакого политического веса и использовались в пропагандистских целях.

Тем не менее, с декабря 1941 по июнь 1942 г. было создано сначала четыре, а затем еще два “восточных легиона”. “Причем, - как пишут английские исследователи К. Кабальеро и К. Лильс, - они были созданы вполне удачно и по боевым качествам приравнивались к легионам, созданным в Западной Европе”.

Их первоначальная база находилась в Польше, где и были сформированы:

- Туркестанский легион, укомплектованный казахами, киргизами, узбеками, туркменами и другими более мелкими народностями. Центр его формирования находился на станции Легионово;

- Мусульманский Кавказский легион (позднее названный Азербайджанским) базировался на станции Ельдня;

- Северокавказский легион, который был укомплектован представителями более 30 народностей, проживающих на Северном Кавказе, имел базу в Веселе;

- Грузинский и Армянский легионы имели базу в Пулавах;

- И, наконец, Волжско-Татарский легион располагался в Ельдне^{xii}.

На станции Легионово располагалась также школа, занимавшаяся обучением младшего командного состава (Gruppenfuhrer) и офицеров – капитанов (Kampaniefuhrer) и лейтенантов (Zugfuhrer). Для руководства формированиями, разработки штатов и комплектования было сформировано “Командование Восточных легионов в Польше” (Kommande der Ostlegionen in Polen)^{xiii}.

Перед легионами не ставилось никаких политических целей, хотя и проводилась обработка в националистическом духе. Так, солдатам Туркестанского легиона обещали создание Туркестанского государства под протекторатом Германии, тогда как поволжских татар немцы называли наиболее образованными, деятельными и политически ценными элементами из всех тюркских народов СССР^{xiv}.

К весне 1942 г. эти легионы закончили свое обучение и были отправлены из Польши на Восточный фронт побатальонно. Первое подразделение, принявшее участие в боевых действиях – 450-й батальон Туркестанского легиона под командованием майора Мадера, известного специалиста по Средней Азии, ранее командовавшего 444-м Туркестанским батальоном.

Отправка легионов на Восточный фронт происходила в три этапа: весна-осень 1942 г. – 15 батальонов; первая половина 1943 г. – 20 батальонов; и, наконец, во 2-й половине 1943 г. было отправлено еще 17 батальонов.

Следует сказать, что в течение 1942 г. некоторое количество этих батальонов было отправлено в Крым, который во время наступления на Кавказ должен был стать тыловым районом немецких войск. Так, к концу лета 1943 г. их средняя численность в Крыму достигла 1,5 – 2 тысяч человек. После же эвакуации кавказской группировки немцев их численность возросла до 10 тысяч человек^{xv}.

Во время боевых действий на Кавказе многие из этих батальонов не оправдали возложенных на них немцами надежд, как на боеспособные соединения. Часть из них в ноябре–декабре 1942 г. перешла на советскую сторону. Сильную роль здесь сыграла и советская пропаганда, и нежелание многих бойцов этих легионов воевать со своими соотечественниками^{xvi}.

К концу 1943 г. “Командование Восточных легионов в Польше” было расформировано, а сформированные там к этому времени 14 Туркестанских, 8 Азербайджанских, 7 Северокавказских, 8 Грузинских, 9 Армянских и 7 Волжско-Татарских батальонов (всего 53 батальона – то есть около 50 тысяч бойцов) были переформированы частью в охранные подразделения и отправлены на Восточный фронт в качестве “вспомогательной полиции порядка”^{xvii}, частью из этих батальонов были созданы подразделения, имевшие вспомогательное назначение.

Одно из них – это “Бригада Боллера” (Boller Brigade), состоявшая из четырех “Строительных Туркестанских рабочих батальонов” (Verstärkten Turks arbeits bataillon) и одного депо-батальона общей численностью 20000 человек. Также было создано 10 других вспомогательных батальонов: артиллерийского снабжения, строительные и депо-батальоны общей численностью 10000 человек и 202 отдельные роты – артиллерийского снабжения, строительного-инженерные, железнодорожные и ремонтные (из них 111 было сформировано из туркестанцев, 30 – из грузин, 22 – из армян, 15 – из поволжских татар и 3 – из северокавказцев). Всего в этих ротах служило 175000 человек^{xviii}.

Необходимо сказать, что Польша была не единственным местом формирования “восточных частей”. После зимних боев 1941 – 1942 гг. 162-я пехотная дивизия вермахта, под командованием известного специалиста по Центральной Азии генерал-майора О. фон Нидермайера была выведена из состава группы армий “Центр” на Украину. Фон Нидермайеру было приказано превратить свою дивизию в учебный центр для “восточных легионов”, и он занялся этим с мая 1942 по май 1943 г., разместив свой штаб в Миргороде.

Большинство “восточных батальонов” проходило теперь свое обучение в 162-й дивизии, однако они не получали номера по порядку своего формирования, как это было в Польше, а нумеровались теперь по номерам батальонов полков немецкой армии, в которые они стали включаться.

До начала 1943 года эти батальоны посылались только в дивизии, находящиеся на южном участке Восточного фронта, позднее они также стали посылаться в группы армий “Центр” и “Север”. Так, за год обучения, то есть до мая 1943 г., на фронт было отправлено 12 Туркестанских, 6 Азербайджанских, 4 Грузинских, 3 Армянских и 2 Отдельных Северокавказских батальона. После мая 1943 г. на фронт было отправлено еще 5 Туркестанских, 1 Азербайджанский, 2 Грузинских и 1 Армянский батальоны^{xix}.

Позднее, в июне-августе 1943 г. 162-я пехотная дивизия была переименована в Туркестанскую дивизию (Turcomann Division) и согласно политике развертывания “восточных войск” в удалении от СССР была первоначально отправлена в Словению, а затем (август 1944 г.) в Италию, где ее использовали для борьбы с партизанами. После десанта союзников на юге Италии она дважды принимала участие в боях с ними (сентябрь–декабрь 1944 и январь–апрель 1945 г.). В апреле 1945 г. дивизия была отведена в Австрию, где в следующем месяце капитулировала перед английскими войсками. Практически весь личный состав дивизии был позднее выдан союзниками в СССР^{xx}.

Помимо ОКВ формированием соединений “восточных добровольцев” занималась и военная разведка вермахта (абвер). Созданный ею “Полк особого назначения “Бергманн” (“Горец”)” (Sonderverband Bergmann) – является одним из таких соединений.

Это соединение начало формироваться осенью 1941 г. в Нойгаммере (Силезия) по личному приказу начальника абвера адмирала В. Канариса. Оно предназначалось для карательных-диверсионных акций в ходе наступления на Кавказ, поддержания “нового порядка” и выполнения полицейских функций в тылу немецкой армии. Личный состав соединения набирался в лагерях военнопленных из представителей горских народностей, грузин и армян. Офицеры-кавказцы набирались среди эмигрантов во Франции и Германии. Командиром соединения был назначен капитан абвера Т. Оберлендер, большой знаток России, который уже имел опыт создания и руководства подобными подразделениями – летом 1941 г. он занимал должность политического руководителя печально известного батальона “Нахтигаль”, сформированного из украинских националистов. Заместителем Оберлендера был назначен зондерфюрер барон фон Кутченбах, выросший в России^{xxi}.

Отбор военнопленных в “Бергманн” происходил до конца ноября 1941 г., когда он был переведен в Миттельвальде (Бавария), где до марта 1942 г. занимался пехотной и горнострелковой подготовкой. К этому времени личный состав соединения насчитывал 1100 – 1200 человек, разделенных на 5 рот: в первой роте находились грузины и армяне, во второй – представители народностей Дагестана, в третьей – азербайджанцы и немцы, в четвертой – грузины и армяне, пятая, штабная, – была укомплектована эмигрантами (около 30 человек). Командный состав соединения состоял целиком из немцев. На вооружении находились карабины и ручные пулеметы немецких образцов^{xxii}.

В июне 1942 г. весь личный состав “Бергманна” после принятия присяги был отправлен на Кавказ, где участвовал в ряде диверсионных (операция “Шамиль” – август 1942 г.) и боевых операций (бои за Моздок – сентябрь 1942 г.)^{xxiii}.

В результате понесенных потерь соединение было переквалифицировано в охранную часть за счет придания ему двух кавалерийских эскадронов под командованием эмигранта князя Дадиани и К. Бештокова. Эти эскадроны предназначались для карательных акций на оккупированной территории Кавказа. В течение 1943 г. за счет добровольцев “Бергманн” был развернут в трехбатальонный полк.

Как свидетельствует в своей книге один из руководителей абвера П. Леверкюн, полк стал “ненадежен, когда началось немецкое отступление с Кавказа”. Приказом от 4 сентября 1943 г. “Бергманн” был выведен в Крым. В этот период в нем состояло 1150 бойцов. Стрелковые части полка были расположены в Феодосийском районе и получили задачу охранять побережье на линии поселок Коктебель - Двужорная бухта, а карательные части занимались борьбой с партизанами. После освобождения советскими войсками Крыма “Бергманн” в апреле-мае 1944 года был выведен в Грецию^{xxiv}.

Несколько по-иному складывалась ситуация по формированию “добровольческих соединений” в другом регионе с компактно проживающим мусульманским населением – в Крыму.

1 сентября 1941 г. начал действовать рейхскомиссариат “Украина”. Административно его территория делилась на генеральные комиссариаты. Крым с присоединенными к нему областями Северной Таврии стал называться генеральный комиссариат “Таврида” или “Крым”. Его генеральным комиссаром был назначен старый член НСДАП и депутат рейхстага А. Фрауенфельд, который предлагал выселить все население Крыма и заселить его жителями Южного Тироля, превратив в “немецкую Ривьеру”.

Поэтому поначалу не могло быть и речи о создании местного национального самоуправления и национального легиона крымских татар. Поскольку Крым так и не был полностью передан под юрисдикцию гражданской администрации (так как все время был либо районом боевых действий, либо тыловой зоной), главной задачей оккупационных органов было умиротворение населения и завоевание его доверия. Таким образом, основной упор делался на формирование сил правопорядка.

Организация полиции, а также следственных и карательных органов в Крыму непосредственно осуществлялась Айнзатцгруппой “Д” во главе с СС-оберфюрером О. Олендорфом. Именно ее сотрудниками были созданы городские и районные отделения полиции порядка (Ordnungspolizei).

Осенью 1941 г. в зоне оккупации и вермахтом, и СД начали формироваться подразделения “Вспомогательной полиции порядка” (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei – Schuma). Собственно части Schuma делились на несколько категорий:

- Schutzmannschaft-Einzeldienst – полиция в городах и сельской местности;
- Schutzmannschaft-Bataillone – батальоны для борьбы против партизан;
- Selbstschutz – отряды самообороны;
- Feuerschutzmannschaft – вспомогательная пожарная полиция;
- Hilfsschutzmannschaft – резервная полиция для охраны концлагерей^{xxv}.

Городская и сельская полиция формировалась сразу же по занятии городов и крупных населенных пунктов Крыма. Можно сказать, что в ее состав входило в основном три национальности – русские, татары и армяне. Причем национальный состав варьировался в зависимости от района. Так, татары преобладали в полиции Алушты, Ялты, Севастополя, Белогорска и Зуи, значительно меньше их было в Евпатории и Феодосии^{xxvi}.

“Уже в октябре 1941 г., - пишут английские исследователи Ч. Диксон и О. Гейльбрун, - для борьбы с партизанами немцы стали привлекать также (крымских) татар, которые всегда враждебно относились к большевистскому режиму. Были сформированы так называемые “татарские отряды самообороны”, которые оказали немцам большую помощь”. Этим отрядам выдавалось трофейное стрелковое оружие и назначались инструктора – немецкие унтер-офицеры. Каждый из отрядов не превышал 70-100 бойцов^{xxvii}.

2 января 1942 г. в отделе разведки 11-й армии, располагавшейся в Крыму, состоялось совещание, на котором обсуждалось распоряжение ОКВ о наборе во вспомогательную полицию и части вермахта крымских татар. Ставились следующие задачи: создать боеспособную самооборону и дать армии бойцов-добровольцев.

3 января, в 10.00 началось первое заседание Татарского мусульманского комитета в Симферополе под председательством Дж. Абдурешидова, сына торговца из Евпатории, турецко-подданного, посвященное началу вербовки крымских татар для “общей борьбы против большевизма”. Заседание проводилось под руководством шефа Айнзатцгруппы “Д” О. Олендорфа.

5 января с согласия председателя комитета в Симферополе было открыто вербовочное бюро. Вербовка добровольцев проводилась в течение января в 203 населенных пунктах и 5 лагерях военнопленных. В результате было набрано 9255 человек, из которых в части 11-й армии было направлено 8684 человека, а остальные были сведены по месту жительства в 14 рот самообороны^{xxviii}.

В августе 1942 г. начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер подписал инструкцию № 8000 / 42 об “Использовании местных подсобных сил на Востоке”, в которой все “добровольческие формирования” были разделены по группам, относительно их политической благонадежности и боевых качеств. Крымские татары вошли в первую, “элитную”, группу как “сражающиеся против большевистского врага рука об руку с немецкими частями как равноправные соратники”^{xxix}.

В первой половине 1942 г. из татарских добровольцев было сформировано шесть батальонов Schuma, получивших порядковые номера со 147 по 152. Любопытно, что официально германское командование считало их “украинскими”, так как они были сформированы на территории рейхскомиссариата “Украина”. 11 ноября 1942 г. Главное командование вермахта в Крыму объявило о возобновлении набора крымских татар в ряды германской армии “для использования в Крыму”. Функции вербовочного бюро выполнял Мусульманский комитет в

Симферополе (ул. Пушкина, 14). И к концу года части самообороны и батальоны Schuma, укомплектованные татарами, достигли численности 3000 человек. После этого набор практически не прекращался, и к началу 1944 г. общая численность татар в германской армии достигла 20000 человек^{xxx}.

Батальоны Schuma, как правило, использовались немцами для борьбы с партизанами. Так, по сводкам “Крымского штаба по борьбе с бандитизмом”, с 9 ноября по 27 декабря 1942 г. батальоны №№ 148, 149 и 150 участвовали в шести крупных акциях против партизан^{xxxi}. После отступления немцев с Кавказа и блокирования их крымской группировки, около 1/3 батальонов оказались ненадежными и были разоружены немцами, а их личный состав помещен в концлагеря^{xxxii}. Остальные батальоны сражались в апреле-мае 1944 г. против Красной Армии, а в июне были выведены в Румынию, где из них сформировали эсэсовскую часть (см. об этом ниже).

18 декабря 1942 г., в преддверие Сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция руководящих сотрудников министерства оккупированных Восточных областей и начальников оперативных тылов войск и представителей центрального военного управления, ответственных за проведение работы на оккупированных советских территориях. Ее основной темой был вопрос о возможности привлечения советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с нехваткой рабочей силы в тылу. Эти идеи яростно отстаивали Розенберг и целый ряд военных, противостоял им рейхскомиссар “Украины” Э. Кох. Гитлер также был убежден, что националисты не имеют поддержки в народе^{xxxiii}.

Тем не менее, и партийные, и государственные органы были вынуждены пойти на ряд уступок националистам, привлекая их в политическую сферу наравне с военной. На еще оккупированных территориях нацисты при помощи местных коллаборационистов начали организовывать всевозможные “советы” и “комитеты”, чтобы создать у населения иллюзию участия в вопросах решения своей судьбы.

В Германии же ими был реанимирован ряд “национальных комитетов”, возникших еще в начале войны, но не игравших никакой серьезной роли. Формирование всех националистических организаций в Германии проводилось по линии ведомства Розенберга. Соответственно с этим при Восточном министерстве были созданы “бюро”. В задачу “бюро” и “комитетов” входило следующее: проводить пропагандистскую работу в “добровольческих формированиях”, руководить подрывной деятельностью эмигрантов и военнопленных из числа националистов, находившихся в Германии, против СССР и т.п. Были созданы: “Туркестанский комитет” (лидер – белоэмигрант Вали Каюм-хан), “Азербайджанский штаб” (лидеры – бывший советский офицер, а теперь майор вермахта А.А. Дудангинский и СС-группенфюрер М.Н. Исрафилов, эмигрант), “Северокавказский штаб” (лидер – А.И. Магомаев) и “Идель-Урал” (“Боевой союз волжских татар и Урала”) (лидеры – бывшие советские граждане А.Г. Шафаев и Ш.И. Алкаев)^{xxxiv}.

Немного иначе происходило создание Татарского комитета в Крыму. Как уже говорилось выше, он возник в самом начале 1942 г. в Симферополе. По плану его создателей, он должен был стать руководящим органом всех мусульман Крыма, однако гестапо сразу же запретило ему называться “крымским” и разрешило оставить в названии только “симферопольский”. Таким образом, комитет “стать служить только примером районным мусульманским комитетам”, созданным позднее в каждом крупном населенном пункте Крыма^{xxxv}.

Уже к концу 1943 г. комитет практически не функционировал и состоял по сути из одного человека – председателя Дж. Абдурашидова, подчинявшегося непосредственно гестапо. Хотя членов комитета всего было 12, но ни один из них участия в его работе не принимал^{xxxvi}.

В апреле-мае 1944 г. члены комитета бежали в Германию, где во второй половине года начал формироваться “Крымский центр”. Этот центр и соответствующий отдел Восточного министерства размещался во Франкфурте-на-Одере, где их руководители Кирималь и Солзаль имели свои квартиры^{xxxvii}.

В военной сфере также произошли существенные изменения.

29 апреля 1943 г. начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник К. Цейтцлер издал приказ №П / 5000 / 43 “Местные вспомогательные силы на Востоке – добровольцы”. В этом приказе все “добровольно перешедшие на немецкую сторону объявлялись не военнопленными, а добровольцами”. В дополнение к этому им предоставлялось право остаться служить в германских частях или выбрать “один из национально-освободительных легионов”^{xxxviii}.

После возникновения “Комитета освобождения народов России (КОНР)” (ноябрь 1944 г.) была предпринята попытка объединить все вышеуказанные национальные центры, а их легионы консолидировать в “Кавказскую Освободительную Армию” и “Туркестанскую Национальную Армию”, однако эта попытка не удалась.

Другим немаловажным аспектом изменений в военной сфере было создание “инонациональных” дивизий войск СС, среди которых были и мусульманские: 13-я горнострелковая “Хандшар” и 23-я горнострелковая “Кама” – из боснийских мусульман и 21-я горнострелковая “Скандербег” – из косовских албанцев. В начале 1943 г., отойдя от “расового принципа” при наборе в войска СС, Гиммлер приказал принимать в них и представителей “низших рас”, каковыми до этого считались все граждане СССР.

Так, из ряда охранных частей на базе 450-го Туркестанского батальона в конце 1943 г. в районе Ямполь-Глухов, а затем в Польше был сформирован “1-й Восточно-мусульманский полк СС”. В ноябре 1944 г. полк был реорганизован и получил название “Восточно-тюркское соединение войск СС” (Ostturkische Waffenverband). Помимо представителей “туркестанских народностей” в это соединение привлекались поволжские татары, азербайджанцы и северокавказцы. Во главе его был поставлен СС-штурмбанфюрер (майор) Мадер (см. выше), которого в течение года сменило несколько командиров. Это соединение принимало участие в боях против партизан и частей Красной Армии в районе Минска и под Варшавой^{xxxix}.

После своей реорганизации в ноябре 1944 г. соединение было переброшено в Северную Словакию. В ночь с 24 на 25 декабря 1944 г. в соединении по инициативе СС-оберштурмфюрера узбека Алимова, стоявшего во главе “Туркестанской группы” соединения, вспыхнул бунт, в результате которого Алимов и офицеры-узбеки в количестве 400 человек перешли на сторону партизан^{xi}. Вскоре после этого соединение было включено в состав 13-й горнострелковой дивизии СС “Хандшар”.

В конце 1944 г. в Главном управлении СС также предполагалось создать “Кавказское соединение” по типу предыдущего. По плану в нем предусматривалось организовать четыре группы – одну из северокавказцев, другую – из армян, третью – из азербайджанцев и четвертую – из грузин, но в связи с событиями на фронтах этот план не удалось осуществить^{xli}.

После разгрома в мае 1944 г. крымской группировки немцев Гитлер, взбешенный потерей Крыма, приказал расформировать все выведенные из Крыма войска, перемешать личный состав и влить его в новые соединения.

Так, в июне 1944 г. татарские подразделения самообороны, батальоны Schuma и полиция порядка, отступившие из Крыма в Румынию, были сведены в трехбатальонный Татарский горно-егерский полк СС (Tataren-Gebirgsjager-Regt. der SS). В течение месяца, после участия в ряде операций, полк был переброшен в Венгрию, где 8 июля 1944 г. приказом Главного управления СС был переформирован в Татарскую горно-егерскую бригаду СС №1 (Waffen-Gebirgsjager-Brigade der SS №1), численностью около 2500 бойцов под командой СС-штандартенфюрера (полковника) Фортенбаха. 31 декабря 1944 г. бригада была расформирована и влита в “Восточно-тюркское соединение СС”, действовавшее в то время в Словакии.

Часть татарских добровольцев, числом около 500 человек, в качестве “хиви” оказалась в конце 1944 г. в составе 35-й полицейской дивизии СС и боевой группы “Крым” (с марта 1945 г. – в составе Азербайджанской боевой группы)^{xlii}.

26 августа 1944 г. Гитлер, после покушения на него, решил, что “все инациональные части и соединения” сухопутных сил следует передать под управление командования войск СС. Эта мера позволила Гиммлеру подчинить себе остальные “добровольческие формирования”, не находившиеся до сих пор в его ведении^{xliii}.

Процесс создания “мусульманских соединений”, также как и других “инациональных добровольческих формирований” германской армии, не был однозначным явлением. Определяющей чертой в нем, на наш взгляд, является эволюция германской оккупационной политики, важной вехой которой был Сталинградский перелом в ходе войны, разбивающий этот процесс на два этапа.

На первом этапе очень четко прослеживается преобладание в использовании коллаборационистов военных целей над политическими; последние же играют незначительную роль и используются в основном для пропаганды. Поэтому все задачи по созданию “добровольческих формирований” решаются военными инстанциями: ОКВ, ОКХ и военной разведкой (абвер).

“Вспомогательная полиция” в рейхскомиссариатах создается по инициативе Гиммлера и служит в основном для поддержания порядка.

На втором этапе, с целью привлечь население к сотрудничеству с оккупантами, происходит уравнение значимости политических и военных мер; теперь политической игрой стараются привлечь больше живой силы для фронта и рабочей – для тыла. Поэтому главенствующую роль в этом процессе начинают играть Восточное министерство Розенберга и ведомство Гиммлера, тогда как роль военных сходит на нет. К концу войны, особенно после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., Гиммлер стал единственным руководителем всех “добровольческих формирований”.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что за период с 1941 по 1945 г. в германских вооруженных силах прошло службу 1,3 – 1,5 млн. советских граждан, из них в “мусульманских формированиях” – около 400 – 420 тысяч, т. е. более ¼.

Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, высказанное М.И. Калининным 4 августа 1943 г. в беседе с фронтовыми агитаторами, работающими среди бойцов нерусских национальностей. Говоря об изменниках Родины, перешедших на сторону врага, он сказал: “Встречаются ничтожные исключения, которые для такой большой страны, как СССР, не имеют значения”^{xliiv}.

Однако, судя по приведенным выше цифрам, это не совсем так. Заметим, что в составе этих “добровольческих формирований” зачастую находились не некие заблудшие души, случайные жертвы войны, которые не имели возможности уклониться от службы у оккупантов или мечтали при первом удобном моменте перебежать на сторону Красной Армии, а прежде всего уголовники, ярые националисты, непримиримые враги всего русского.

“Новое оружие” рейха в лице “мусульманских формирований” активно заявляло о себе не только на передовой, но и в тылу, где эти части охотились на партизан, проводили карательные акции против мирного населения и т. п. Пепелища и кровь – вот, что оставляли после себя “мусульманские формирования”. Впрочем, как и прибалтийские, и украинские, и белорусские. Это была масштабная и многолетняя акция германского военно-политического руководства, умело разыгрывавшего “мусульманскую карту” в своих целях, стремившегося с помощью национальных конфликтов и потрясений взорвать СССР изнутри и тем самым облегчить путь к заветному блицкригу. Эти события не только по-особому интересны, но и весьма поучительны и актуальны.

ⁱ Литвин Г.А. Крымско-татарские формирования: документы Третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). – 1991. – №3. – С. 89 – 95; Ямпольский В.П. “Мусульманская плаха” для России // ВИЖ. – 1996. – №5. – С. 24 – 31 и т. п.

ⁱⁱ Caballero C.J., Lyles K. Foreign Volunteers of the Wehrmacht. 1941 – 1945. – London: Man-at-Arms, 1995. – P. 17.

- iii Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых. – М., 1997. – С. 131, 133.
- iv Туполов Б.М. Германский империализм в борьбе за “место под солнцем”. – М., 1991. – С. 34 – 50, 61 – 74.
- v Гилязов И. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. – 1996. - №2. – С. 94.
- vi Безыменский Л.А. Особая папка “Барбаросса”. – М., 1972. – С. 238 – 243.
- vii Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933 – 1945. - М., 1976. – Т. 3. – С. 177.
- viii Caballero С.С., Lyles К. Op. cit. – P. 17.
- ix Мюллер Н. Вермахт и оккупация. – М., 1974. – С. 258.
- x Ибрагимбейли Х.М. Крах “Эдельвейса” и Ближний Восток. – М., 1977. – С. 199 – 200.
- xi Казанцев А.С. Третья сила. – М., 1994. – С. 233.
- xii Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941 – 1943. – Freiburg, 1976. – S. 34 – 40; Ejusd. Kaukasien 1942 / 43. – Freiburg, 1991. – S. 15 – 29.
- xiii Caballero J.C., Lyles К. Op. cit. – P. 18.
- xiv Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 205; Гилязов И. Указ. соч. – С. 98.
- xv Гречко А.А. Битва за Кавказ. – М., 1973. – С. 338, 351.
- xvi Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 205 – 206; Семин Ю.Н., Старков О.В. Кавказ. 1942 – 43 годы: героизм и предательство // ВИЖ. – 1991. - №8. – С. 35 – 37, 37 – 38; Судоплатов П.А. Спецоперации. – М., 1997. – С. 250.
- xvii Caballero J.C., Lyles К. Op. cit. – P. 19; Дуда А., Старик В. Буковинський курінь. – Чернівці, 1995. – С. 140.
- xviii Caballero J.C., Lyles К. Op. cit. – P. 19 – 20.
- xix Ibid. – P. 19.
- xx Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. – С. 188 – 189, 317 – 320; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М., 1996. – С. 347, 348 – 349.
- xxi Кровавые злодеяния Оберлендера. – М., 1960. – С. 7 – 8, 24 – 25.
- xxii Семин Ю.Н., Старков О.В. Указ. соч. – С. 38.
- xxiii Кукридж Е.Х. Секреты Сталина (главы из книги) // ВИЖ. – 1992. - №1. – С. 72.
- xxiv Кровавые злодеяния Оберлендера... - С. 27, 29 – 30.
- xxv Niger T., Abbot P. Partisan Warfare. 1941 – 1945. – London: Man-at-Arms, 1983. – P. 14.
- xxvi Центральный Государственный архив Автономной республики Крым (далее – ЦГААРК), ф. П – 151, оп. 1, д. 505, л. 3, 18 об., 19.
- xxvii Диксон Ч.О., Гейльбрун О. Коммунистические партизанские действия. - М., 1957. – С. 172 – 174.
- xxviii Литвин Г.А. Указ. соч. – С. 91 – 93.
- xxix Катусев А.Ф., Опкоков В.Г. Движение, которого не было // ВИЖ. – 1991. - №4. – С. 47.
- xxx Niger T., Abbot P. Op. cit. – P. 17.
- xxxi ЦГААРК, ф. П – 151, оп. 1, д. 391, л. 113 об. – 115 об.
- xxxii ЦГААРК, ф. П – 151, оп. 1, д. 390, л. 26; д. 505, л. 2, 148 об., 151, 210-в.
- xxxiii Мюллер Н. Указ. соч. – С. 260 – 261.
- xxxiv Ямпольский В.П. Указ. соч. – С. 27 – 28, 29 – 30.
- xxxv ЦГААРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 41, л. 4.
- xxxvi ЦГААРК, ф. П. – 151, оп. 1, д. 505, л. 69 – 69 об.
- xxxvii Ямпольский В.П. Указ. соч. – С. 30.
- xxxviii ЦГААРК, ф. П. – 151, оп. 1, д. 391, л. 119 – 119 об.; ф. П. – 156, оп. 1, д. 24, л. 28.
- xxxix Ямпольский В.П. Указ. соч. – С. 28.
- xl Брентъес Б. Использование востоковедов фашистскими шпионскими службами // Вопросы истории. – 1986. - №2. – С. 173.
- xli Ямпольский В.П. Указ. соч. – С. 29, 30.
- xlii Личный архив председателя Союза бывших воинов 4-й и 35-й полицейских дивизий СС В. Ошассека (Дюссельдорф).
- xliiii Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. – С. 216.
- xliv Цит. по: Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 197.